

В литературном конкурсе рассказов «Саумы, Казан!» – «Здравствуй, Казань!», организованном казанской мэрией, приняло участие более 120 авторов. Конкурсные работы поступили как из городов и районов республики, так и из-за её пределов. Предлагаем вниманию наших читателей рассказ одного из лауреатов конкурса

рассказ

Денис Фокин

В конце лета

Денис Фокин родился (1982) в городе Бугульме. В 16 лет начал работать на местной радиостанции, тесно связав с радиоэфиром всю свою дальнейшую жизнь. После школы поступил на журфак Казанского университета. Много путешествовал, писал очерки и путеводители о разных городах и странах, в том числе и о любимой Казани

СОЛНЦЕ в конце того лета неистово палило, стараясь выжечь напоследок и без того бесцветную траву и погружая город по утрам в молочную дымку, а днём – в белый, чуть подслеповатый свет. Деревья только начинают устало скидывать листья, вызревают яблоки и в воздухе пахнет неминуемой осенью.

В парке Урицкого у самого входа, где высится полузаброшенный ДК, на скамье сидит взрослый мужчина неопределённого возраста, чуть поодаль на корточках устроилась девочка лет пяти и что-то сосредоточенно рассматривает на асфальтовой дорожке. Рядом с ним на скамье покоятся два небольших бумажных кулька: в один плотно набит фундук (или как его здесь называют «лесной орех»), а во втором лежат три яблока.

Раннее утро, едва ли начало девятого, а уже очень жарко и всё время хочется пить. Немного подалее – водяная колонка, покосившаяся от времени и покрытая ровным слоем то ли ржавчины, то ли ржавой краски. Девочка постоянно бегают к ней: повиснет на рычаге всем телом, подождёт, пока побегит вода, отпускает и быстро делает глоток. Она миг становится мокрой, визжит от удовольствия и мгновенного холода, но минут через пять её лёгкое хлопковое платье с цветами становится сухим. Взрослый мужчина улыбается и совсем не ругает кудрявую девочку. «На Камилю похожа», – думает он, вздыхает и стряхивает невидимую грязь со светлых льняных брюк.

– Деда, а я знаю, почему Лена со мной дружит, – говорит кудрявая девочка, подбегая к скамье.

– И почему же? – Дед сажает её на колени.

– Я некрасивая, вот поэтому, – говорит девочка и прибирает за ухо выпавшую кудрявую прядь чёрного цвета.

– Гулечка, ты самая красивая, умная и похожа на бабушку. – Дед прижимает её к себе крепко-крепко, целует в макушку, а она начинает его щекотать.

Им хорошо вдвоём: ей с ним ещё интересно, а ему с ней уже.

Гульназ не знает бабушку. Она не жила с ней в одно время, не успела родиться. Но каждый день видит её фотографии и слышит о ней истории. Бабуш-

ка Камиля была красивой и сдержанной на эмоции, но всем сердцем любила первого и единственного своего мужчину и свою дочь, так долго не получавшуюся у них. Для всех был загадкой тот счастливый случай, что свёл её с будущим мужем и, более того, оставил вместе на всю долгую и, временами, трудную жизнь. Он из вконец обрусевших немцев, пустивших корни в подмосковном Раменском, она из чистокровных гордых татар, пять поколений назад поселившихся в Казани. Встретившись случайно в Москве, где оба учились, в огромной очереди в мавзолей они, отстояв два часа, так и не попав внутрь, пошли гулять и больше не хотели расставаться. А потом были выпуск и распределение. Она всеми правдами и неправдами напросилась в Казань, поближе к родне, Костя следом, ближе к ней, своей кареглазой татарочке.

– Деда, а ты любил бабушку Камилю? – спрашивает Гуля, в очередной раз прибежав с колонки.

Дед достал из пакета яблоко, вытащил из кармана складной небольшой нож, сосредоточенно срезал шкурку. Молчит, делит яблоко на четыре части и протягивает одно девочке.

– Любил, Гулечка, любил. Так любил, что отпускать в путешествие не хотел. Уж скоро и я к ней поеду. Вот немного ещё с вами здесь поживу и поеду. Соскучился, сил нет. Расскажу про тебя, про маму твою, про Элечку и про Богомазовых. Всё-всё ей расскажу, даже про яблоки.

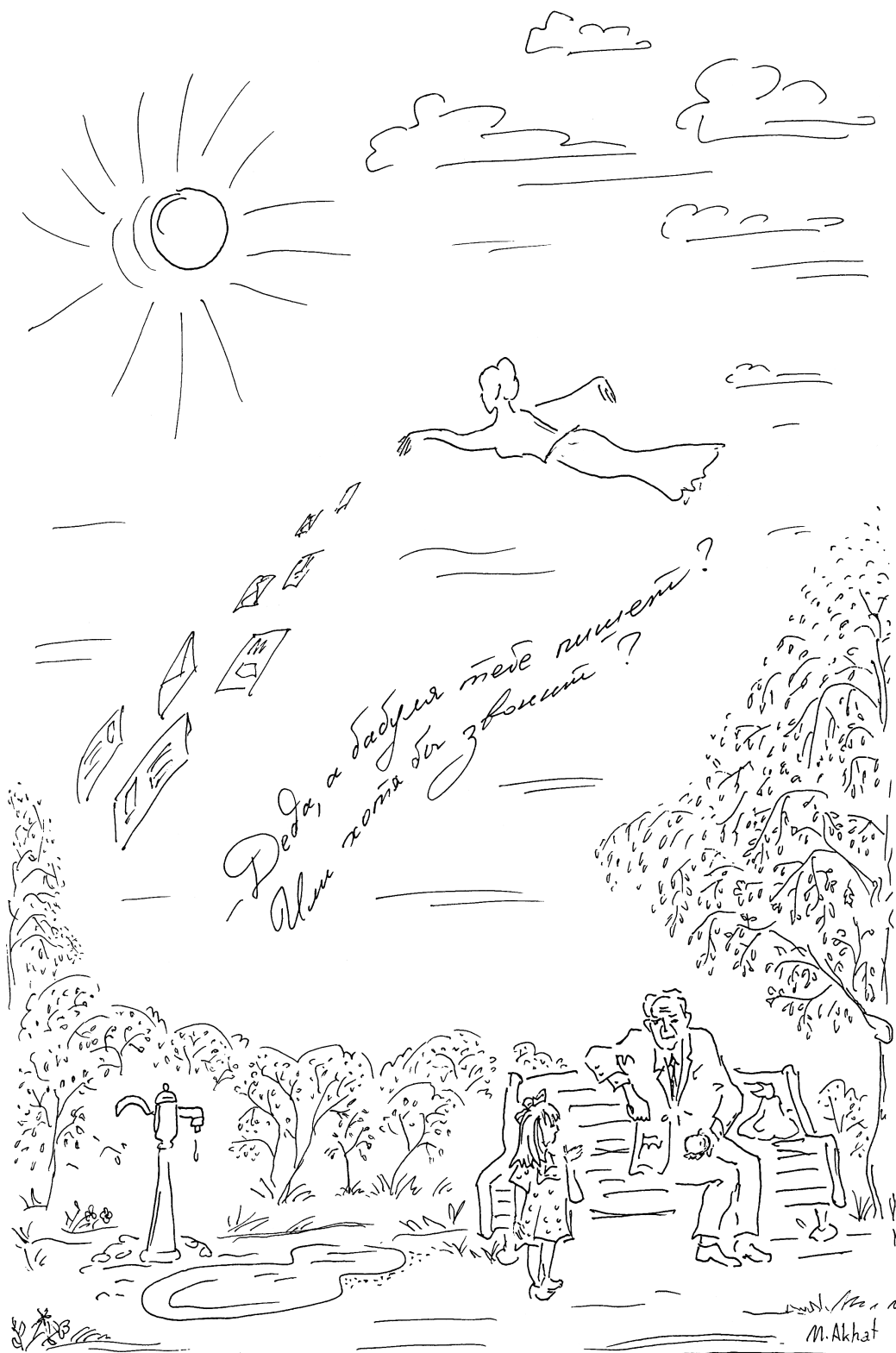
– А я поеду с тобой?

– Нет, я тебя не возьму, тебе скоро в школу, без неё нельзя. Да и что тебе со стариками делать? У тебя уже и жених есть, наверное.

– Я Никиту люблю.

– За что? – Снова протягивает ломтик яблока.

– Он заставляет меня улыбаться. – Снова поправляет прядку иссиня-чёр-

ных волос, засовывает в рот остаток яблока и бежит к колонке. Жарко. Дует ветер, вбивает в кожу пыль и песок, треплет волосы, но не приносит прохлады.

Его Камиля сгорела быстро. Врачи поздно спохватились и не заметили в частых головных болях признаки коварной онкологии. Да и она сама не любила жаловаться: выпьет аспирин с утра и – на работу, к своим любимым ученикам. Костя (даже после пятидесяти они звали друг друга только так, по имени) просил сходить в больницу, узнать, спросить. Не шла, всё некогда – школа, свадьба дочери, Богомазовы вечно дерутся (это соседи-пьяницы, которых она навещала каждый вечер с проверкой). Узнала про рак слишком поздно, да и помочь уже никто не брался. Не решалась сказать мужу, берегла. Но Костя смутно подозревал: что-то не так. Слишком она стала мягкой, часто улыбалась и замыкалась в себе. Бывало, так задумывалась, что не слышала, как Костя её несколько раз звал. Или засмотрится в окно, резко очнётся, начнёт пританцовывать, обнимать Костю ни с того ни с сего.

Скрывать перестала после того, как упала в обморок и пролежала два часа, пока Костя не нашёл её в кухне, вернувшись с работы. Виду не показывал, бодрил, а сам плакал ночами. Переселился в кабинет, который переделали из бывшей детской (дочь к тому времени повзрослела и перебралась в Москву), чтобы не мешать, и ночевал на тахте, а Камиля, открывая глаза, больше не вставала с кровати. Всё время проводил с ней рядом, читая вслух книги или просто рассказывая истории. Она уже и не слышала его, всё время почти спала.

– Костя, ко мне мама приходила, подарки вон принесла, – неожиданно открыла в тот день глаза Камиля и напугала Костю этой фразой. – Говорит, поедem скоро. А я и не готова, завтра,

наверное, соберусь, ты меня проводи только. Чемодан сможешь довести, а то на такси дорого.

Вздыхнула, закрыла глаза, заснула. Больше не проснулась. А Костя так всю ночь просидел с ней рядом, держа за руку и рассказывая, плача навзрыд, истории из их жизни. Она их тоже помнила, но ему хотелось ещё раз прожить эту жизнь с ней рядом, ничего не меняя, просто вместе.

Камили не стало в конце лета, когда вызревали яблоки. На похороны пришла вся школа, было много её любимых красных астр. Беременная дочь с мужем всячески пыталась поддержать отца, а он не плакал, говорил простое «спасибо». И очень сильно постарел за одну ночь.

Время близится к полудню. Беспощадное солнце не даёт покоя, заливая парк Урицкого обесцветившимся светом. Двинулись по Восстания на теневой стороне улицы к дому. Сейчас дойдут до Декабристов, срежут направо через маленький скверик, дойдут до первой «сталинки» и – дома.

Дочь оставила Гулю у бабушки на всё лето, лишь раз в месяц прилетая на выходные. Дед балует ребёнка, раз в день позволяя мороженое перед обедом. Сейчас придут домой, умоются, зайдёт Элечка (давняя подруга Камили) и занесёт молочную кашу для Гули на обед. К вечеру придёт Богомазова прибраться в квартире и вымыть пол.

Тихая маленькая Элечка как могла, помогала Косте: после похорон жены приходила по пять раз на дню, молча сидела и слушала его рассказы. Про их жизнь, молодость, ссоры, проблемы, счастье. Потом убегала в огород собирать скудный урожай и снова заходила к Косте. Часто приносила яблоки – уж они-то у неё в саду были в избытке. Костя не любил яблоки, Камиля же, на-

оборот, только их и признавала из фруктов. В дань уважения к жене Костя всегда принимал их и честно поедал.

Элечка так и не успела испытать своё личное счастье – едва выйдя замуж, потеряла супруга. Замужем она была четыре месяца и три дня, а после стала вдовой в 24 года. Она искренне радовалась за свою подругу и никогда не завидовала – попросту не умела. Жила тихонечко своей жизнью, молилась про себя Аллаху, помогала Камиле и поддерживала Костю. А когда приезжала Гуля на лето, то просто расцветала: готовила ей молочные каши и пекла ватрушки, расточая свою любовь, не растраченную с годами, на эту, их общую любимую девочку.

– Деда, я буду звать тебя Костя теперь, – говорит ребёнок, слизывая с пальцев растаявшее мороженое. – Чтобы, когда бабушка вернётся, не подумала, что мы тут ерундой страдали.

Гуля услышала это выражение по телевизору и при каждом случае вставляла его в разговор, хотя вообще не задумывалась над его значением.

В квартире уже довольно темно, Гуля смотрит телевизор, сидя на стуле и болтая ногами. Костя помыл посуду и налил молока в стакан, чтобы оно немного нагрелось. Приятно пахнет пыльными книгами, чистым полом (Богомазова, чуть пьяненькая и весёлая, быстро помыла полы и ушла), немного мылом и яблоками. Элечка принесла их целое ведро, откуда каждое утро Костя достаёт по три яблока и берёт с собой в парк.

Время ближе к девяти. Гуля пришла в кухню, дед включил свет. Сели за стол. Давно поужинали, но девочка любит перед сном съесть очищенное дедом яблоко (ещё одна черта, доставшаяся от бабушки), а он заставляет её выпить молока. Она в пижаме и с босыми ногами, волосы огромной копной не прибраны. Дед уже тоже переоделся

в полосатую пижаму и почистил зубы. Молча она съела яблоко, выпила молока и также молча пошла почистить зубы: её маленькая голова пыталась понять только что услышанную из телевизора информацию. А именно: как можно сначала пожениться, а потом разводиться. Ведь её мама и папа женились и не разводятся, дед с бабушкой тоже. Наверное, время не пришло, думает Гуля. Значит, когда они женятся, им говорят, когда у них будет развод.

Гуля спит на тахте в кабинете, где когда-то была детская и где спала её мама. Перед сном с ней ложится дед и читает сказки, а она проваливается в пустоту и крепко спит до утра. Сегодня она полностью погружена в свои мысли, и даже не слышит голос Кости.

– Деда, скажи, а вы с бабушкой Камилей разводные? – спрашивает девочка, прерывая сказку.

– Какие?! – искренне удивляется дед.

– Ну... разводные, когда развод. По телевизору сказали. – Тема разводов ей больше интересна, чем проказы Пеппи.

– Нет, Гулечка, мы не разводные. Я бабушку любил и люблю, и никогда бы не хотел с ней разводным быть.

– А мама и папа разводные? – Гуля приподнялась и положила голову на сложенную в локте руку. Очень интересная тема.

– И они не разводные. Они тоже любят друг друга. И всегда будут вместе. Всё, пора спать. Дед целует внука в макушку, встаёт с тахты и идёт к двери. Гасит свет.

– Деда, а бабуля тебе пишет? Или хотя бы звонит? – уже в темноте спрашивает полушёпотом девочка.

– Нет, это я ей пишу и звоню каждый вечер, когда ты уже спишь. У неё там время другое, раньше нельзя звонить.

– Ну ты меня всё же разбуди в следующий раз. Хочу сказать, что мы не страдаем ерундой.

Засыпала, думая о разводе. И о том, что такое ерунда. И почему ей страдают. Это болезнь, наверное, от которой Богомазовы мучаются.

Костя идёт в комнату, достаёт из шкафа толстую тетрадь, открывает её, перелистывает исписанные почти до конца страницы, находит чистый лист и начинает писать: «Здравствуй, любимая Камилюша. Вот какие у меня новости...». Ещё минут тридцать сидит за столом, исписывая страницу, затем встаёт, убирает тетрадь к другим, уже исписанным, гасит свет и ложится. Засыпает, рассказывая мысленно Камиле все новости, которые уже записал.

Лет пятнадцать уже прошло. Гуля уехала учиться в Австрию. Однажды вечером мама позвонила и сказала, что Костя болеет. Даже не болеет, а просто уже не встаёт с тахты. Он даже после смерти Камилы наотрез отказался переезжать к дочери в Москву и, когда стал сдавать, тоже не захотел уехать из их с женой квартиры на Декабристов и родной Казани. Переехала дочь.

Гуля срочно вылетела в родной город. Добиралась долго и с пересадками.

Ночь. Душно. Конец лета. Вызревают яблоки. Гуля тихонечко стучит в дверь Костиной квартиры. Дверь от-

крывает мама, она ещё не ложилась. Обнялись, вымыла руки и пошла к деду в кабинет. Горит ночник, заливая оранжевым светом с детства знакомую комнату. Дед лежит на тахте и посапывает. Гуля стоит и смотрит на него: похудевший, с белёсыми волосами, такой родной и бесконечно любимый. И так у неё защемило где-то в районе солнечного сплетения, и такой комок к горлу подкатил. Перед глазами тут же стали проноситься воспоминания, которые безжалостное время почти уже смыло из сознания: фундук, стакан молока, колонка, маленькая молчаливая и улыбчивая Элечка, платье в цветах, Богомазовы...

Тихонечко подошла, села на краешек тахты и, как в детстве, легла рядом с дедом. Обняла и закинула на него одну ногу. Глубокий вздох. Не открывая глаз и шёпотом:

– Кто это? – голос чуть сиплый, но такой же родной.

– Костя, это я.

– Ой, Гулечка, узнал! Всё, я поеду к Камилюше скоро. Мне пора. Вещи собраны. – Не открывая глаз, улыбается. Положил свою ладонь на руку внучки и чуть сжал, едва ощутимо. Гуля тихонько заплакала. В комнате пахло яблоками. А ранним утром Костя уехал к своей Камилюше.

